

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.110>

**МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ПОВЕСТИ Л. АНДРЕЕВА «МОИ
ЗАПИСКИ»**

Научная статья

Смелова Е.С.^{1*}, Ходус В.П.²

¹ ORCID : 0009-0006-1855-0205;

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

² Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай

* Корреспондирующий автор (blowhelen[at]mail.ru)

Аннотация

В статье анализируется ментальное пространство как часть пространства «незримого» (пространство, являющееся противоположностью реальному) в повести Л. Андреева «Мои записки» в границах экзистенциального мотива о сверхчеловеке, рассматриваются языковые средства формирования подобного пространства, анализируется значимость единиц различных уровней языковой системы в вербализации ментального пространства. Философия экзистенциализма оказала существенное влияние на русскую литературную традицию начала XX в. Различные социально-культурные потрясения побуждали многих представителей интеллигенции задумываться о силе человеческой мысли, проводить эксперименты над разумом, проверять границы, подвластные ему. Опираясь на традиции, заложенные во второй половине XIX в. Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским, писатели создавали нового героя, который часто обращался к своему читателю из пространства внутреннего, ментального.

Ключевые слова: «незримое» пространство, хаос, гармония, модернизм, экзистенциализм, Л. Андреев, язык.

**MENTAL SPACE AND ITS LINGUISTIC EXPRESSION IN THE NOVEL "MOI ZAPISKI [MY NOTES]" BY L.
ANDREEV**

Research article

Smelova E.S.^{1*}, Khodus V.P.²

¹ ORCID : 0009-0006-1855-0205;

¹ North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

² MSU-PPI University, Shenzhen, China

* Corresponding author (blowhelen[at]mail.ru)

Abstract

The article analyses mental space as part of the space of the "invisible" (the space that is the opposite of the real) in the story of L. Andreev "Moi zapiski [My Notes]" within the boundaries of the existential motif of the superman, examines linguistic means of forming such a space, studies the significance of units of different levels of the language system in the verbalization of mental space. The philosophy of existentialism had a significant impact on the Russian literary tradition of the early 20th century. Various social and cultural upheavals prompted many intellectuals to reflect on the power of human thought, to experiment with reason, to test the boundaries that were within its power. Drawing on the traditions established in the second half of the nineteenth century by Leo Tolstoy and F.M. Dostoevsky, writers created a new hero, who often addressed his reader from an inner, mental space.

Keywords: "invisible" space, chaos, harmony, modernism, existentialism, L. Andreev, language.

Введение

Среди интеллигенции в России начала XX века возникло и было весьма популярным религиозно-философское «богоискательское» течение, представителями которого, в первую очередь, были Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, З.Н. Гиппиус. Задачами этого нового течения они видели обновление христианства, культуры, политики, общественной и личной жизни, а также противостояние духу пошлости, ограниченности. Идеи, заложенные «богоискателями», стали источником русской и западной религиозной философии, экзистенциализма и персонализма [6].

Общими для русской литературной традиции экзистенциальными элементами можно считать «понимание смерти как инобытия, а также иррационализм и антиидеологизм» [7, С. 132], [10]. Первое проистекает из художественного наследия позднего Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевский заложил основы второго. Помимо этого, для русского экзистенциализма характерны этические и религиозные поиски.

В художественных произведениях русской литературы начала XX века ментальное пространство существует параллельно с мотивом сверхчеловека, экзистенциальной философией. Ментальное пространство следует трактовать через прилагательное «ментальность». Согласно словарю С.И. Ожегова, под ментальностью понимается нечто, «относящееся к уму, к умственной деятельности». Соответственно, под ментальным пространством будем понимать пространство внутреннего мира человека, создание альтернативных миров силой человеческой мысли, идеей [9].

В произведениях Л. Андреева такое пространство можно считать реализацией «отдельных экзистенциальных мотивов» [4], [6, С. 131], [10], истоком которых исследователи считают творчество Ф.М. Достоевского, а также философию Ф.В. Ницше.

Методы и принципы исследования

В работе используется структурно-семантический анализ, компонентный и семиотический анализ при выявлении основных структурных и семантических особенностей «незримого» пространства; общий функциональный метод для раскрытия основных функций «незримого» пространства, метод анализа словарных дефиниций.

В качестве предмета анализа остановимся на повести Л. Андреева «Мои записки», написанной в 1908 году. Выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, сам автор считал именно это произведение «гениальным, лучшим и любимым» [1, С. 76]. Помимо этого, М. Горький, ярый критик творчества Л. Андреева, называл данный текст «верным ключом, коим отпираются все «тайны» его творчества» [3, С. 450]. В-третьих, в момент выхода, и в советскую эпоху, и в современном литературоведении нет однозначной трактовки этого текста, так как образ главного героя – «дедушки», как он сам себя называет, двойственного, сумасшедшего «сверхчеловека», – вызывает много споров.

Основные результаты

По мнению Т.К. Гусевой, повесть содержит следующие ярко выраженные черты экзистенциализма: ситуация отчуждения, вынужденного, а затем и добровольного; выбор замкнутого пространства в качестве альтернативы вселенной [5, С. 15]. Пространство текста изначально делится на мир свободных людей и мир осужденных, а именно пространство тюрьмы. Ментальное пространство, тот мыслительный эксперимент, который осуществляет главный герой, не до конца отдавая себе отчет в происходящем, приводит к двум основным результатам:

1) пространство тюрьмы и ментальное пространство героя начинают приобретать черты друг друга, а затем и вовсе сливаются;

2) характеристики пространства «свободы» и ментального пространства меняются местами. На языковом уровне это проявляется в активных антонимичных парах эпитетов, которые сопровождают описание данных пространств.

В первых двух частях ментальное пространство главного героя находится в состоянии «трансформации» из свободного в несвободное. На лексическом срезе это характеризуется использованием слов различных частей речи, в значении которых присутствует уничижительная окраска, а также насмешка «над собой прошлым»: «юноша ... нрава несдержанного, порывистого»; «самолюбие, легко оскорбляемое и становящееся на дыбы при каждом ничтожном поводе»; «припадки меланхолии, чередующиеся с такими же дикими припадками веселья» [2, С. 458-461]. Важно, что все эти характеристики перечисляются для того, чтобы указать на *дисгармоничность характера*.

В последующих абзацах на лексическом уровне продолжается осуждение той «ментальной сущности», которой герой был раньше. На языковом уровне это находит выражение преимущественно через:

1) именные части речи: вел себя, как *безумец*; лежал в *беспамятстве*; *дойдя до отчаяния*; *упрямство*; всю человеческую жизнь я стал признавать одной *огромной несправедливостью*, *насмешкою и глумлением*; грозил им *беспощадной мезью*; с *самоуверенностью* юноши, с *болезненной остротой* узника; бросал в *черную пучину*; *юношеское ослепление*; *боль молодого, неразумного сердца*; *помутившийся* рассудок;

2) наречия: *громко и бесцельно* кричал; *яростно* требовал.

Помимо этого, «дедушка» *иронизирует* над собой-юношей, будто по-доброму умиляясь тому времени, когда «прекрасная истина» его лишь иногда навещала: «Не могу без *улыбки* вспомнить: даже смерть матери, даже измена любимой девушки не вызвали во мне такого *безнадежно-горького* чувства, какое удалось исторгнуть из души моей этим господам, *имена которых теперь я и сам плохо помню*» [2, С. 459].

Вторая и третья часть в повести является переломной: именно в ней в ментальном пространстве главного героя формируется *идея*, которая абсолютно меняет его мировосприятие. На языковом уровне это сопровождается:

- прилагательными-эпитетами, создающими контрастный образ: Питая *обманчивые и несбыточные* надежды, эта мысль, естественно, держала меня в состоянии *напряженной* тревоги и мешала сосредоточиться моему вниманию на более *важном и существенном*;

- контекстными антонимическими парами: не *подвигался вперед*, а лишь *двигался по замкнутому кругу*; *одиночество*, на которое я так *горько жалуясь*, есть *преимущество*.

Идея главного героя основывается на его внезапном открытии: человеческая мысль ищет не правды, которой ей не дано знать, а правдоподобности, т.е. гармонии между видимым и мыслимым, на основании строгих законов логического мышления. Этим способом он окончательно формулирует «священную формулу железной решетки» – «схема, в которой расположены управляющие миром законы, упраздняющие хаос и на место его восстанавливающие забытый людьми строгий, железный, ненарушимый порядок» [2, С. 489], отсюда начинается существование его иного, измененного ментального пространства. Эти изменения отражают идею самоуничтожения человека внутренней борьбой: силой своего разума герой пытается бороться с действительностью, пытается подвести под законы логики, рационального вещи, которые он не может изменить, обманывает себя и других.

Его внутренние диалоги превращаются в языковую игру, подмену раннее неоспоримых понятий, вновь активно используются контекстные антонимы: «*безграничное* постигается лишь при условии введения его в *границы*»; «решетка, скованная *слабыми* человеческими руками какого-нибудь *невежественного* кузнеца»; «пугая людей *темных*, давая пищу для размышления людям *рассудительным*». В дальнейшем он фактически становится проповедником своей идеи, что внутренне отражается в его уверенности: «в *полной обнаженности* вставала предо мною *таинственная душа человека*». Здесь Л. Андреев вновь лексически указывает на важную в ментальном пространстве героя категорию *гармонии*, которая противостоит хаосу, извечной лжи в душе человека.

Логично, что гармонию он наделяет различными положительными чертами: *великая целесообразность*, *красота*, *законченность*, *движение к совершенству*, *светлая* гармония. Однако в своем ментальном пространстве герой

непоколебимо утверждает, что всё это возможно лишь *внутри тюрьмы*, но никак не на свободе, где, по его мнению, люди, как птицы, бьются внутри своей стеклянной тюрьмы, не желая подчиняться року.

В конечном счете стены тюрьмы и клетка реального пространства, становятся границами его ментального пространства. Любое вторжение, пересечение этих границ нарушает гармонию, что на уровне языка достигается смешением сниженного и возвышенного: слуга заходит в незапертую дверь его комнаты, что вызывает у героя *ужас*, воспринимается как *вторжение в душу*, нечто *неприличное*.

Заложник своей идеи, он, пробыв недолго на свободе, строит себе собственную тюрьму. «Дедушка» считает себя победителем, усмирившим хаос, однако сам становится заложником своей идеи. Ментальное пространство его складывается из *восхищения тюрьмой* (реальной и внутренней одновременно), которое вербализуется с помощью лексических средств и тропов:

- олицетворения: герой называет тюрьму «любовью, мечтой, горькой и последней мукой», хотел бы «навсегда остаться у ее ног», т.е. наделяет человеческими характеристиками;

- эпитеты: величавые очертания, прощальные лучи; молчаливо и гордо поднимается над равниной. Они добавляют описываемому образу величественности, подчеркивают трепетное отношение героя к образу;

- метонимия: дневное светило. Придает возвышенный тон описываемой картине;

- метафоры: темные язвы решетчатых окон;

- сравнительные обороты: как царица, как мученица (о тюрьме); как влюбленный. Последние два средства выразительности добавляют образу тюрьмы религиозную деталь, так как и сам герой считает себя сверхчеловеком, познавшим истинное устройство бытия.

Эти средства выразительности позволяют сделать следующий вывод о ментальном пространстве героя: он практически достигает религиозного экстаза от осознания гармоничности, упорядоченности тюремного существования, от укоренившейся и победившей его разум идее.

Заключение

Ментальное пространство как часть пространства «незримого» в повести Л. Андреева «Мои записки» обладает следующими характерными языковыми средствами выражения:

- контекстные антонимы;

- прилагательные-эпитеты, создающие контрастный образ;

- слова с уничижительной коннотацией, подчеркивающие дисгармоничность характера (например, именные части речи, наречия);

- различные средства выражения комического, иронического отношения;

- языковая игра, подмена понятий;

- различные средства выразительности.

Глаголы и глагольные формы практически не участвуют в создании ментального пространства героя, так как оно статично, развивается не в движении или действии, а в трансформации каких-либо качественных характеристик.

Таким образом, ментальное пространство в повести Л. Андреева «Мои записки» на уровне языка реализуется преимущественно лексическими средствами, которые создают контрастный образ, формирующийся вокруг понятия «гармония».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Андреев Л.Н. Дневник / Л.Н. Андреев // S.O.S. Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919). — М.; СПб., 1994. — с. 9-189.

2. Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе / Л.Н. Андреев. — М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 1243 с.

3. Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. тома И. С. Зильберштейн. — М.: Наука, 1965. — 630 с.

4. Гаджиева Р.М. Традиции экзистенциализма в прозе Леонида Андреева. / Р.М. Гаджиева // Инновационная наука. — 2020. — №4. — с. 127-130. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-ekzistentsializma-v-proze-leonida-andreeva> (дата обращения: 19.04.23).

5. Гусева Т.К. Гармония и хаос: концепция экзистенциального человека Леонида Андреева / Т.К. Гусева // Rhema. Рема. — 2012. — №2. — с. 14-26.

6. Гусева Т.К. К вопросу о мировом влиянии русского писателя Леонида Андреева. / Т.К. Гусева // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. — 2014. — №1(81). — с. 48-52.

7. Кибальник С.А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли / С.А. Кибальник // Литературоведческий журнал. — 2005. — №19. — с. 131-138.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 19.04.23).

9. Петрушкова Е.С. Мотив ужаса в прозе Леонида Андреева. / Е.С. Петрушкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — №3. — с. 90-98. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-uzhasa-v-proze-leonida-andreeva> (дата обращения: 11.04.23).

10. Чيان Ч. Боль как экзистенция в рассказе Л. Андреева «Стена» / Ч. Чيان // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — №1(74). — с. 121-124. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bol-kak-ekzistentsiya-v-rasskaze-l-andreeva-stena> (дата обращения: 17.04.23).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andreev L.N. Dnevnik [Diary] / L.N. Andreev // S.O.S. Dnevnik (1914-1919). Pis'ma (1917-1919). Stat'i i interv'yu (1919). Vospominaniya sovremennikov (1918-1919) [S.O.S. Diary (1914-1919). Letters (1917-1919). Articles and interviews (1919). Memoirs of Contemporaries (1918-1919)]. — М.; St. Petersburg, 1994. — p. 9-189. [in Russian]

2. Andreev L.N. Polnoe sobranie romanov, povestey i rasskazov v odnom tome [The Complete Collection of Novels, Novellas and Short Stories in One Volume] / L.N. Andreev. — М.: "ALPHA-BOOK" Publishing House, 2021. — 1243 p. [in Russian]

3. Literaturnoe nasledstvo. T. 72. Gor'kij i Leonid Andreev. Neizdannaja perepiska [Literary Heritage. Vol. 72. Gorky and Leonid Andreev. Unpublished Correspondence] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of world literature named after A. M. Gorky; Ed. by I. S. Zilberstein. — М.: Nauka, 1965. — 630 p. [in Russian]

4. Gadzhieva R.M. Tradicii e'kzistencializma v proze Leonida Andreeva [Traditions of Existentialism in Leonid Andreev's Prose]. / R.M. Gadzhieva // Innovacionnaya nauka [Innovative Science]. — 2020. — №4. — p. 127-130. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-ekzistentsializma-v-proze-leonida-andreeva> (accessed: 19.04.23). [in Russian]

5. Guseva T.K. Garmoniya i haos: koncepciya ekzistencial'nogo cheloveka Leonida Andreeva [Harmony and Chaos: the Concept of an Existential Person by Leonid Andreev] / T.K. Guseva // Rhema. — 2012. — №2. — p. 14-26. [in Russian]

6. Guseva T.K. K voprosu o mirovom vliyanii russkogo pisatelya Leonida Andreeva [On the Question of the World Influence of the Russian Writer Leonid Andreev]. / T.K. Guseva // Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva [Bulletin of ChSPU]. — 2014. — №1(81). — p. 48-52. [in Russian]

7. Kibalnik S.A. Ekzistencializm v russkoj literature i mysli [Existentialism in Russian Literature and Thought] / S.A. Kibalnik // Literaturovedcheskij zhurnal [Literary Journal]. — 2005. — №19. — p. 131-138. [in Russian]

8. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. — URL: <https://slovarozhegova.ru> (accessed: 19.04.23). [in Russian]

9. Petrushkova E.S. Motiv uzhasa v proze Leonida Andreeva [The Motive of Horror in the Prose of Leonid Andreev]. / E.S. Petrushkova // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. — 2012. — №3. — p. 90-98. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-uzhasa-v-proze-leonida-andreeva> (accessed: 11.04.23). [in Russian]

10. Chian Ch. Bol' kak ekzistenciya v rasskaze L. Andreeva «Stena» [Pain as Existence in L. Andreev's Story "The Wall"] / Ch. Chian // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki [Scientific Notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences]. — 2017. — №1(74). — p. 121-124. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bol-kak-ekzistentsiya-v-rasskaze-l-andreeva-stena> (accessed: 17.04.23). [in Russian]